

*Давиду Израилевичу ДУБРОВСКОМУ – 85!***ФИЛОСОФИЯ И КАРАТЭ-ДО. ПУТЬ К СЕБЕ**

Беседу вела СОФЬЯ ПИРОЖКОВА

– Дорогой Давид Израилевич, начать нашу беседу хотелось бы с вопроса о вашей семье и вашем детстве. Ну и, конечно, о том, как вам в 14 лет удалось попасть в действующую армию.

– Об этом – долго рассказывать. К тому же все это есть в моих «Воспоминаниях», они опубликованы на моем сайте www.dubrovsky.dialog21.ru

– Ну, хотя бы кратко, пожалуйста.

– Родился и жил первые три года в городе Орехове Запорожской области. Отец был парикмахером, все родственники – мастеровыми. Потом переехали в г. Мелитополь. Там я окончил 5 классов. Кроме меня в семье были еще брат и сестра. Когда началась война, мне было 12 лет, брату – 8. А сестра родилась 11 августа 1941 г. Отец уже был мобилизован в армию. Как только мать вышла из роддома, мы отправились в эвакуацию. Ее организовал брат отца – дядя Гриша, которого тоже уже мобилизовали. Но он успел достать подводку с двумя лошадьми, и по его настоянию три семьи братьев Дубровских срочно погрузили свои пожитки на эту подводку и покинули Мелитополь. Нас было 13 человек. Понятно, что из вещей взяли лишь самое-самое необходимое и все, кто мог, шли пешком. На подводке ехали две бабушки, мать с моей новорожденной сестрой, малые дети. Управляла лошадьми и командовала всем «парадом» тетя Слава – жена старшего брата отца дядя Иосифа, пожилого и большого человека, глухого из-за оттузии, полученной во время Первой мировой войны. Мы ехали в сторону Таганрога и Ростова. Километров 400. В памяти – огромные толпы людей под палящим солнцем, в пыли тащатся по дороге. Однажды мы попали под бомбежку. Жуткая картина: паника, грохот разрывов, изувеченные тела, погибшие дети. Тете Славе, умевшей хорошо править лошадьми, женщине смелой и решительной, удалось быстро вывести подводку в сторону от дороги, и никто из наших не пострадал. В Ростове мы сдали лошадей и по Дону добрались на барже до Калача. От него поездом до Сталинграда и оттуда, получив направление, пароходом по Волге до бывшей Республики немцев Поволжья. Их всех выселили в Сибирь и Казахстан. Привезли нас в большое село Штефан (потом его немецкое название заменили на Водно-Буерачное). Пустые дома, высокая деревянная кирха, черное воронье, ни живой души. Нас встретил человек из райцентра. Сразу состоялось собрание об организации колхоза. Нам было сказано выбирать любой дом, расселяться и назавтра с утра выходить на работу. Я работал вначале на конюшне, потом на тракторе прицепщиком. Потом стал возить на паре волов бензин и керосин за тридцать километров из райцентра Нижняя Добринка. Мать тоже с раннего утра до позднего вечера на разных работах, только прибежала покормить

своего грудного ребенка. Нянчил сестричку мой восьмилетний брат Рома, который хозяйничал по дому, топил печь и т.п.

В сентябре 1942 г., когда немцы окружили Сталинград, нас вторично эвакуировали: километров за 250 от нашего села, в город Маркс, который тоже находился в бывшей Республике немцев Поволжья. Там был военный завод, объединявший эвакуированные заводы из Мелитополя и Харькова. Один цех выпускал снаряды, второй минометы. Я сразу пошел работать на завод. Мне было тогда 13 лет. В огромном цеху работало примерно 400 человек. Кадровых рабочих было процентов пять, не больше, остальные – женщины и ребята от 12-ти до 16-ти лет (в 17 уже брали в армию). Мы делали минометы. Через три дня, после того как я пришел в цех, меня поставили самостоятельнее за станок. Я стал делать «стаканы» – детали для механизма наводки миномета. У меня вначале быстро тупились и даже ломались резцы и сверла. А наш мастер, который один был на 20 человек, понял, что это из-за того, что мне не хватало роста для нормального контроля за своими действиями, когда подводишь резец к быстро вращающейся стальной болванке, и при других операциях. Он сделал мне подставку сантиметров на десять, и дело пошло. Через 3 – 4 дня я уже наловчился делать эти «стаканы», и норму выполнял, а потом и перевыполнял. Среди молодежи был высокий патриотизм. Мы создали комсомольскую бригаду – норму перевыполняли всегда. Работали 12 часов в сутки, без выходных. Получали 800 граммов хлеба и обед, чаще всего на первое был рассольник из соленых огурцов и кусочков картофеля, а на второе – несколько ложек какой-то каши. Я обычно почти половину хлеба приносил домой, там меня ждали голодные братишка и маленькая сестренка.

У входа в цех висел на красном полотнище большой лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» И это были не пустые слова. Хочу привести один факт, который для тех, кто понимает что-то в заводском производстве, выглядит фантастикой. В начале 43-го года вышел приказ Наркома танковой промышленности В.А. Малышева: перевести завод на выпуск танковых моторов. Но минометы и танковые моторы – это день и ночь, там совсем другие точности обработки деталей, совсем другие методы работы. И срок – месяц! Сегодня почти любой скажет: это невозможно! И вот, больше двух недель мы все не выходили из цеха. Мы там ночевали. Спали по три часа. Вся система менялась: срывали станки, их перемещали, ставили и испытывали новые, другие технологические линии, другая точность работы, все другое. Через 28 дней на испытательном стенде стоял первый танковый мотор. Можете поверить в такое?

– **А были специалисты, способные организовать перепрофилирование завода?**

– Ну, конечно, они руководили этой перестройкой: работники техотдела, инженеры, не говоря уже о мастерах участков. Они, как и мы, не выходили из цеха сутками, помогали осваивать новые технологические процессы, работу на новых станках, да и на старых тоже. Точность обработки деталей – микроны, это не минометы. Миномет – довольно простое устройство: ствол, плита, на которую он опирается, и механизм наводки. А танковый мотор – это крайне сложная вещь. Из всего перио-

да войны, для меня, пожалуй, остается самым впечатляющим фактом именно то, о чем я рассказал. Подобных фактов на других заводах было множество, и это служило залогом Победы.

– А как вы попали на фронт?

– Долгая история. И, наверное, самая интересная в моей биографии. Она подробно изложена в «Воспоминаниях». Если коротко, был у меня приятель по заводу Шурка Земченков, с которым мы решили удрать на фронт. Октябрь 1943 года. Война скоро закончится. Надо спешить. А как попасть на фронт? Очень просто: надо добраться до передовой. Обратиться к командиру: так, мол, и так, мы комсомольцы, хотим защищать Родину. И нас, конечно, обязательно возьмут. Ну, может быть, вначале немного подучат стрелять. Вот такая была у нас степень наивности и простодушия. До фронта больше тысячи километров. Как проехать по военной России без документов, с одним комсомольским билетом? Но с нашей верой нам было море по колено. По карте мы определили примерный маршрут в сторону Белоруссии и – вперед. Это был самый тяжелый период в моей жизни. Нас ловила милиция и сажала за решетку, мы не раз были на грани гибели от голода и холода, попали однажды даже в бандитскую шайку, но через день убежали. И – это похоже на чудо – через месяц с небольшим мы добрались все-таки до цели. Не дошли километра до передовой. Там нас арестовала военная контрразведка (СМЕРШ). После отсидки и допросов, вместе с дезертирами, нас, как гражданских лиц, отправили под конвоем двух автоматчиков за 40 километров в город Кричев и сдали в местное КГБ (тогда оно называлось МГБ). Меня и Шурку посадили раздельно в КПЗ (камера предварительного заключения). Это одиночка с каменными нарами и парашей, в самом верху узкое продолговатое окно с железной решеткой, без стекол, через него прямо на наты наметает снег. Каждую ночь на допрос: «Зачем хотел перейти линию фронта?», «Кто послал?». Хотели приговорить к пяти годам тюрьмы за незаконный въезд в зону прифронтовой полосы. Но на последнем этапе дело закрыли. Спасла моя национальность (зачем же Давиду Израилевичу идти к немцам в гости?) Нас выпустили и направили на работу в депо станции Кричев. Там были одни развалины. Шурка уехал домой. А я остался.

О дальнейших моих приключениях постараюсь говорить кратко. Мне невероятно повезло. В конце 1943 г. попасть в армию четырнадцатилетнему замухрышке было практически невозможно. Но мне это удалось, благодаря удивительному стечению обстоятельств. В этот раз, как и потом во многих подобных случаях, мне встречались замечательные, отзывчивые, добрые люди, которые бескорыстно помогали, выручали из беды, спасали от гибели.

Я попал на санлетучку. Можно сказать, это спасло мне жизнь: я был до крайности истощен, измучен, оборван и завшивлен, а, главное, потерял – особенно после общения со СМЕРШем и КГБ – былую веру в то, что нужен Родине. Меня остригли, отмыли и переодели в военную форму, сытно накормили. Я быстро ожил. Санлетучка ночью подходила близко к линии фронта, мы принимали раненых и везли их в Рославль, где их распределяли по госпиталям. Примерно через три недели меня

перевели уже с военными документами (в них вместо 1929-го стоял 1927-й год рождения) в Банно-прачечный отряд, подчинявшийся той же армейской структуре, что и санлетучка. Там меня определили в сапожную мастерскую, и я стал осваивать новую специальность. Из госпиталей в больших мешках привозили поношенную обувь, которую мы чинили. Жизнь в Банно-прачечном отряде текла размеренно: построение, работа, стояние с винтовкой на посту, чаще всего по ночам (2 – 4 часа); если не привозили обувь – другая какая-нибудь работа. До переднего края далековато, только однажды попали под бомбежку и один раз – под артиллерийский обстрел, обошлось без особых последствий – несколько легко раненых. В общем, тыловая часть. А мне надо было на фронт. И это удалось, но лишь в июне 1944 г., как раз в самом начале исторической операции «Багратион», когда наши войска прорвали фронт в Белоруссии и дошли до границ Германии. Я был в пехоте, потом после госпиталя (сравнительно легкое ранение в ногу) был всего 11 дней в противотанковой батарее, участвовал только в одном бою, был довольно тяжело контужен, получил множество ссадин, порезов, глубоких царапин, так что вся разорванная в клочья одежда пропиталась кровью, но ни одного серьезного ранения. После госпиталя – снова вернулся в пехоту. Главное, остался жив, как и мой отец, прошедший войну от начала до конца, в отличие от многих моих родственников, сложивших свои головы в разные годы войны. Особенно я любил своего двоюродного брата Изю Брустина, сына родной сестры моей матери – тети Клары. Они жили в Запорожье. Он работал на военном заводе токарем и имел бронь от армии, но в первые же дни войны ушел добровольно на фронт, стал танкистом. В 1942 г. Изя через Центральный эвакуопункт нашел нас и стал присылать письма. Он дважды к тому времени был ранен и был уже командиром танка, награжден орденами Красного знамени и Красной звезды (тогда ордена давали редко!) Он погиб в августе 1942 г. под Сталинградом. Ему едва исполнилось 20 лет. К нам пришла «похоронка». Его же родители не смогли эвакуироваться из Запорожья и были расстреляны как евреи.

– **А как сложилась ваша жизнь сразу после войны? Вам нужно было окончить школу, выбрать профессию... Как это происходило?**

– В конце августа 45-го я был уже в Мелитополе. Сразу же по направлению горкома комсомола стал работать на АТРЗ (Автотрактор-ремонтный завод) токарем и был секретарем комитета комсомола. Одновременно учился в седьмом классе вечерней школы рабочей молодежи. В мае 1947 г. я сдал экзамены экстерном на аттестат зрелости и поступил на философский факультет Киевского университета (так я почти наверстал потерянные годы). В 1952 г. я окончил университет. Тема дипломной работы для тех лет была у меня странная: «О практических истоках формирования категорий пространства и времени (на материалах древнеегипетской иероглифики)». Я с ней изрядно намаялся. Мало того, что пришлось очень много работать, изучая эту иероглифику, тему не хотели утверждать, упрекали в аполитичности и т.п. Тогда был список рекомендованных тем, и все они звучали так: «Учение тов. Сталина о...», «Гениальный анализ тов. Сталиным...», «Ленинская теория...»,

«Ленин о...». Обстановка на факультете была соответствующая. В итоге я с трудом защитил диплом, еле получил четверку. Меня направили на работу в среднюю школу г. Донецка (тогда он еще назывался г. Сталино). Два года я преподавал логику и психологию, а после того, как эти предметы отменили, — труд (слесарное дело). В школе была очень хорошая мастерская, мы делали с ребятами разные полезные вещи.

— **А как же с философией?**

— Наряду со слесарным делом я все время занимался философией, читал лекции по линии Общества «Знание» и даже опубликовал брошюру «О научном предвидении». В 1957 г. в высших учебных заведениях ввели преподавание философии. В Донецке из всех направленных туда выпускников философского факультета остался я один, и меня с большой натугой, но все-таки взяли преподавателем философии в Медицинский институт. В том же 1957 г. произошло важное для меня событие — опубликовали мою первую статью в журнале «Вопросы философии». Он выходил тогда 6 раз в год. Статья называлась «К вопросу об определении категории случайности», мне за нее не стыдно и сейчас (см.: Вопросы философии. 1957. № 3). Работая в мединституте, я в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию «Об аналитико-синтетическом характере отражательной деятельности мозга». В ней ставилась задача проанализировать соотношение категорий анализа и синтеза в логике, психологии и физиологии высшей нервной деятельности (в которой эти категории играли важную теоретическую роль). В результате работы над диссертацией у меня сложились тесные научные контакты со многими видными нейрофизиологами, что служило большим стимулом для дальнейшей работы.

В 1968 г. я защищал в Ростовском университете докторскую диссертацию «Философский анализ психофизиологической проблемы». Защита проходила в острой полемике, но завершилась успешно. Как было принято — банкет на 30 персон в шикарном ресторане, поздравления. Но на следующий день, уже утром в Обком партии поступило письмо, в котором сообщалось, что в урну для голосования был вброшен лишний бюллетень, а счетная комиссия скрыла это. Нарушение инструкции ВАК! Поднялся большой шум. Срочно снова собрали Совет. На нем, однако, отсутствовали два члена Совета, которые были вчера на защите, но зато привезли двух других, которых там не было. Переголосовали и провалили меня одним голосом. Но это было тоже грубым нарушением инструкции ВАК. В результате через три недели собрали еще одно заседание Совета и оба голосования отменили. Защита диссертации была признана несостоявшейся. Мне предложили забрать диссертацию и защищаться в Москве. Я решительно отказался. Через два месяца в том же Совете я защищал ту же диссертацию в третий раз. Это была очень «веселая» защита, длившаяся более 6 часов. На этот раз мои сторонники бдительно следили за соблюдением правил, зная изобретательность своих коллег, и я, как и в первый раз, прошел с двумя решающими голосами «за». Опять, конечно, банкет, поздравления. Но этим дело не кончилось. Мои недоброжелатели «достали» меня и в ВАКе. Там диссертация была послана на отзыв моему злейшему противнику,

который уже присылал резко отрицательный отзыв на автореферат. Он, конечно, снова дал крайне отрицательный отзыв, диссертацию послали еще одному специалисту, он дал положительный отзыв. В итоге меня вызвали защищать диссертацию на экспертную комиссию ВАК. Здесь все, наконец, кончилось благополучно.

Все эти перипетии с защитой были вызваны тем, что в это время как раз проходила моя дискуссия с Э.В. Ильенковым. В Ростове же была довольно влиятельная группа его сторонников, которая посчитала своим долгом во что бы то ни стало меня провалить. Но в Ростове была и значительная группа моих активных сторонников. К тому же на диссертацию прислали положительные отзывы академики Б.М. Кедров, П.К. Анохин, В.В. Парин, а одним из официальных оппонентов был Александр Борисович Коган — крупнейший авторитет в области нейрофизиологии, один из пионеров нейрокибернетики (его именем назван Институт нейрокибернетики в Ростове-на-Дону). Все это и сыграло решающую роль. В 1971 г. по линии Научного совета по кибернетике при Президиуме РАН и при поддержке его председателя академика Акселя Ивановича Берга вышла моя книга «Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики» (М.: Наука, 1971. 25 а.л.). В ней развивался предложенный мной информационный подход к теоретическому решению проблемы «Сознание и мозг». Эта книга представляла собой почти целиком текст моей докторской диссертации.

— **Расскажите, пожалуйста, о дискуссии с Э.В. Ильенковым.**

— Как раз накануне первой защиты в «Вопросах философии» (1968. № 8) вышла моя статья «Мозг и психика», в которой я критиковал Э.В. Ильенкова и Ф.Т. Михайлова по двум пунктам: во-первых, за категорическое отрицание ими философского содержания проблемы «сознание и мозг», во-вторых, за отрицание ими роли генетических факторов в формировании личности. Тогда эти вопросы стояли остро, особенно второй. Сторонники Э.В. Ильенкова обвиняли меня в биологизме, позитивизме и прочих отступлениях от марксизма. Все это громко звучало на защитах моей диссертации. Думаю, что сам Э.В. Ильенков не был причастен к перипетиям защиты, о которых говорилось выше. Но его титулованные сторонники (не буду называть их имен) придавали критике в мой адрес идеологическую окраску. На первый план сразу выступила проблема идеального, вокруг которой в дальнейшем и шла дискуссия. Она, безусловно, сыграла положительную роль, так как стимулировала разработку проблемы сознания.

Но здесь нужно обратить внимание на возникший вскоре новый поворот в обсуждении роли биологического и социального в формировании личности. Речь идет о широко известной истории о четырех слепоглухих, закончивших психологический факультет МГУ. Это провозглашалось как выдающееся достижение советской науки и марксистской теории личности. Главным теоретиком и во многом инициатором этого выдающегося достижения выступал Э.В. Ильенков. Дело изображалось так, что все четверо были слепоглухими от рождения, не имевшими человеческой психики, и лишь на основе марксистски

обоснованных методов формирования психики они обрели сознание и смогли развить его. Это однозначно утверждалось Э.В. Ильенковым в его статье, опубликованной журналом «Коммунист» (см.: *Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977, особенно с. 68 – 69*), и во многих других его работах. Отсюда главный тезис о том, что психика на 100% социальна, является продуктом трудовой деятельности и воспитания.

Эту позицию поддерживали ведущие психологи того времени (А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов) и многие философы. Она освещалась партийной прессой. «Выдающееся достижение» стало темой множества публикаций в газетах и журналах, более того, темой десятка философских диссертаций, и этому нельзя было не верить. Но благодаря случайной встрече с одним специалистом-дефектологом я узнал, что никто из знаменитой четверки не являлся слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух после болезни в довольно позднем возрасте, когда у них уже сформировалась система предметных образов и развитая речь; причем двое из них сохранили остатки слуха, а двое остатки зрения. Я изучил их истории болезней, прочел книгу «Обретешь друзей» (Алма-Ата, 1978), в которой ее авторы С. Сироткин и А. Суворов сами свидетельствуют об этом, изучил другую литературу по данной проблеме. Все это резко меняло суть дела. Я тогда читал лекции на философском факультете МГУ, а также в Институте повышения квалификации преподавателей философии при МГУ. Проблема слепоглухих была, что называется, притчей во языцех, на эту тему, как уже отмечалось, защищались философские диссертации, на лекциях обязательно задавали вопросы. И я прямо говорил о реальных фактах и их фальсификации. Но в силу причин идеологического порядка критика «выдающегося достижения советской науки» была под запретом. Не прошло и месяца, как меня вызвали в партком МГУ. Туда из журнала «Коммунист» была переслана анонимка с осуждением «проф. Дубровского и его сторонников, которые обливают грязью выдающееся достижение советской науки» и т.п. К ней на бланке журнала «Коммунист» прилагалось письмо за подписью зав. отделом науки и культуры журнала Г. Волкова, в котором предлагалось рассмотреть мою позицию, ибо она «дает повод для серьезных критических раздумий и выводов». Я отказался отвечать на анонимку, но написал, что считаю своим долгом отстаивать научную позицию, разоблачать фальсификации и буду это делать везде при первой же возможности. После этого орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» опубликовал статью, в которой мои концептуальные позиции уничтожались на корню, причем в центре внимания была моя книга «Психические явления и мозг». Приведу только несколько цитат: «Так фраза за фразой автор в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественно-научный, но общественно-политический аспект...» (Коммунист. 1980. № 11. С. 72); «тут претензия на рекомендации с совершенно чуждых нам идеологических позиций» (там же. С. 73); «тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания природы сознания» (там же). Вот

так! После таких оценок в органе ЦК КПСС меня, конечно, должны были изгнать из МГУ и из журнала «Философские науки». Спас меня от расправы главный редактор «Философских наук» Владимир Спиридонович Готт, пользовавшийся тогда большим авторитетом и влиянием в партийных органах. Этому замечательному человеку, под руководством которого мне посчастливилось работать, я очень многим обязан.

Во времена перестройки, когда были сняты идеологические табу, секция Философского общества СССР «Философские проблемы психорегуляции и самосовершенствования», которой я руководил, провела обстоятельное комплексное обсуждение проблемы. С основным докладом выступили один из слепоглыхих С. Сироткин, работавший к тому времени заведующим сектором социальной реабилитации слепоглыхих ВОС, и кандидат философских наук Э.К. Шакинова. Наряду с обоснованием теоретических вопросов они подвергли резкой критике концепцию и методы не только Э.В. Ильенкова, но также А.Н. Леонтьева и ряда их сторонников. В обсуждении принимали участие не только философы (Г.С. Батищев, И.С. Нарский, И.З. Налетов, С.Н. Мареев) и психологи (М.Г. Ярошевский, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, директор Института психологии АПН СССР А.М. Матюшкин и другие), но, главное, специалисты-дефектологи (директор Института дефектологии АПН СССР В.И. Лубовский и сотрудники этого института: зав. сектором изучения и воспитания слепоглыхих детей В.Н. Чулков, старший научный сотрудник Г.П. Бертынь и другие). Материалы этого обсуждения опубликованы в виде книги (см.: Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. — М.: Философское общество СССР, 1989. 120 с.).

Я рассказал об этом столь подробно, поскольку мифологема «выдающегося достижения», «знаменитого Загорского эксперимента» слишком живуча и до сих пор часто всплывает в философских работах. К тому же совсем недавно в «Вопросах философии» были опубликованы две большие статьи, посвященные рассмотрению проблематики слепоглыхих и попытке оценки результатов ее разработки, особенно роли в этом Э.В. Ильенкова (см.: *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Статья 1 // Вопросы философии. 2013. № 3; *Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? Статья 2 // Вопросы философии. 2013. № 10).

— **Давайте вернемся к дискуссии по проблеме идеального, о которой говорят и сегодня, хотя прошло много лет. Как она проходила?**

— Еще в 1962 г. в «Философской энциклопедии» (Т. 2) была опубликована статья Э.В. Ильенкова «Идеальное», которая на меня произвела большое впечатление и стала стимулом моих размышлений на эту тему. Отдавая должное значению этой статьи, я, тем не менее, считал, что определение идеального и его трактовка Э.В. Ильенковым недостаточно обоснованы, в частности, не охватывают всего круга явлений сознания, которые принято относить к категории идеальных, т.е. нематериальных явлений. Он исходил из той классической трактовки идеального, которая была свойственна Платону и Гегелю (см.: *Ильен-*

ков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 130. Здесь и далее указывается посмертная публикация автора, в которой наиболее полно и последовательно изложена его концепция). У него понятие идеального ограничивалось, главным образом, лишь опредмеченными результатами деятельности, кругом тех идей, которые обладали достоинством всеобщности и необходимости, выступали в качестве «норм и форм культуры», социальной деятельности (с. 139 – 140). По его мнению, определение категории идеального несовместимо с чувственно-конкретным, единичным и случайным, в силу чего «бессмысленно применять это определение к сугубо индивидуальным состояниям психики отдельного лица в данный момент» (с. 130). Но тогда, если мои «мимолетные» восприятия и переживания не являются идеальными, то они должны быть названы материальными. Кроме того, ведь «мимолетное» может быть гениальным поэтическим или теоретическим озарением и обрести «вечность». История знает множество таких «звездных мгновений человечества», о которых так ярко писал Стефан Цвейг (см.: *Zweig S. Sternstunden der Menschheit. Zwölf historische Miniaturen.* – Frankfurt am M.; Hamburg, 1964). Возникает проблема различения и особенно связи идеального и материального. Каким образом можно добиться концептуально последовательного описания и объяснения того, что именуется идеальным? С моей точки зрения для этого идеальное должно определяться как **субъективная реальность** (в отличие от материального как объективной реальности). Субъективная реальность (с материалистических позиций) есть исходная и общая форма всякой сознательной деятельности. Исходная в том смысле, что без нее нет сознания, нет живого человеческого духа, не возникает никаких мыслей и идей; общая – в том смысле, что она охватывает все множество и разнообразие сознательных состояний: от ощущений, эмоций и «мимолетных» переживаний до интерсубъективных по своему статусу мыслей, идей, в том числе тех, которые, по Э.В. Ильенкову, выражают «нормы и формы культуры», которые уже опредмечены, объективированы различными способами, прежде всего в языке и продуктах производства, но, чтобы служить «формами социальной деятельности», они необходимо должны распредмечиваться, обретать качество субъективной реальности в сознании отдельных индивидов. Таким образом, мы получаем возможное концептуально последовательного (и научно подтверждаемого) объяснения способа существования явлений сознания, их социальной активности, объяснения взаимосвязи индивидуального и общественного сознания. Это относится и к объяснению связи явлений сознания с телесными и мозговыми процессами. Можно добавить, что явления субъективной реальности всегда исходно объективированы в определенных мозговых процессах, но они обладают той качественной особенностью, что 1) их содержание дано нам в «чистом» виде (так как мы не знаем, не чувствуем того, что при этом происходит в нашем мозгу) и 2) нам дана способность произвольно оперировать этим содержанием в довольно широком диапазоне. Именно в таком смысле и выступает само качество субъективной реальности. Оно свойственно и животным, возникло в биологической эволюции как способ

эффективного управления целостным поведением сложной самоорганизующейся системы (т.е. состоящей из простых самоорганизующихся систем — отдельных клеток со своими специфическими программами), а затем получило развитие в процессе антропогенеза, формирования языка и культуры. В этом кратко состоит моя концепция идеального как субъективной реальности.

В ходе дискуссии она подвергалась Э.В. Ильенковым и его многочисленными сторонниками резкой критике. Но у меня тоже было немало сторонников, которые поддерживали мою концепцию в целом или высказывали критические замечания по отдельным вопросам. В 1983 г. вышла моя книга «Проблема идеального» (М.: Мысль, 230 с.), посвященная проблеме идеального, в которой я попытался ответить моим критикам. Это была первая монография в советской философской литературе, специально посвященная проблеме идеального. Она охватывала все ее основные аспекты — гносеологические, онтологические, аксиологические и праксеологические (т.е. вопросы интенциональности, целеполагания и целеустремленности, воли, творческой активности), социальные, естественнонаучные и общенаучные планы исследования. Значительное внимание в ней уделялось анализу динамической структуры и самоорганизации субъективной реальности, соотношению индивидуального и общественного сознания. При этом подчеркивалась роль индивидуального сознания как источника новообразований в общественном сознании и первостепенная роль последнего в формировании индивидуального сознания, его ценностно-смысловой структуры. Выяснялось соотношение понятий идеального, идеи, идеализации, идеала, а также понятий идеального, логического и психического. В ней я касался экзистенциальной проблематики, обсуждал связь идеального с речью и языком, анализировал под углом проблемы идеального вопросы деятельности и общения, опредмечивания и распредмечивания, которые были особенно значимы для концепции Э.В. Ильенкова.

Главная цель книги состояла в реабилитации проблемы индивидуального сознания как философской проблемы, поскольку сторонники Э.В. Ильенкова считали ее сугубо психологической. К сожалению, никто из них не дал себе труда внимательно и систематично подвергнуть книгу критическому анализу. Критика оставляла в стороне ее концептуальную систему и сводилась, как правило, к выхватыванию отдельных положений, отдельных цитат, часто с неточным их толкованием, но почти всегда с сильными интонациями высокомерия. Такая критика вряд ли могла помочь мне в разработке проблемы сознания. Почти 20 лет спустя вышло второе издание книги с немного уточненным названием и дополненное несколькими новыми статьями. Первичный текст книги я намеренно сохранил прежним (см.: *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. 2-е изд., доп. — М.: Канон+, 2002. — 368 с.).

— **Безусловно, расстояние и проживание в разных городах не препятствуют научному общению, но могут его осложнить. Особенно, если Вы — еще молодой ученый. Думаю, для Вас переезд из Донецка в Москву был важен в профессиональном плане, но, насколько мне известно, проходил он нелегко. Расскажите об этом.**

– Как только я защитил диссертацию и стал первым доктором философских наук в Донецке, над моей головой начали сгущаться тучи. Начались всякие придирки и унижительные проработки со стороны заведующего кафедрой, ректора института и обкома партии. Я всегда читал в Институте только курс диалектического материализма, а теперь меня обязали читать лекции по историческому материализму, от чего я категорически отказался. Дело папахивало выговором по партийной линии. Наш заведующий кафедрой, бывший крупный партийный работник и «яловый доцент» (т.е. ставший доцентом, не имея степени кандидата наук), очень опасался за свое место, хотя оно мне было ни к чему. Я строил другие планы. В Москве создавался Институт психологии РАН, одним из организаторов которого являлся Александр Георгиевич Спиркин – мой оппонент по докторской диссертации, с которым мы подружились. Его прочили на место директора, и он обещал сразу взять меня старшим научным сотрудником. Я пошел в обком партии и сказал, что собираюсь переходить на научную работу и подал заявление об увольнении из института по этой причине. Вначале партийное начальство возмутилось, обрушилось на меня с угрозами вынести строгий выговор и т.п. Но заведующему кафедрой только и нужно было, чтобы я убрался из Донецка. Он пользовался в обкоме большим влиянием. В итоге через две недели ректор подписал мое заявление, я стал свободен и через несколько дней был уже в Москве.

В Москве ситуация складывалась не в пользу Спирина, его быстро оттерли от обещанной должности директора. Им стал планировавшийся еще недавно в заместители Б.Ф. Ломов, заведующий отделом Министерства просвещения СССР, у которого была поддержка в ЦК КПСС. Пути в Институт психологии оказались наглухо закрыты. Я стал искать работу в вузах. В нескольких местах обещали вот-вот взять профессором на кафедру (я соглашался даже быть доцентом), но дело тянулось, и всюду в результате я получал отказ. Так в поисках работы прошло три месяца. Единственное, что удалось сделать – поменять квартиру в Донецке на комнату в Москве, благодаря письму в Моссовет академика А.И. Берга. Но средства мои, занятые у друзей, иссякли. Положение складывалось катастрофическое. Я уже готов был пойти на завод, на любую работу. Но тут мне опять сильно повезло. Друзья вывели меня на Владимира Спиридоновича Готта – главного редактора журнала «Философские науки» (он заведовал и кафедрой философии в Московском педагогическом институте, занимал другие посты в общественных организациях). Владимир Спиридонович, знавший меня по статьям в «Вопросах философии», сразу, без долгих разговоров согласился взять на работу. Он сказал, что примерно через месяц в журнале освободится место заведующего отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания; это – ставка профессора философского факультета МГУ. А пока можно поработать просто обычным редактором журнала и по совместительству в пединституте на его кафедре. На следующий день я приступил к работе (кстати, я читал несколько месяцев лекции по философии именно на факультете дефектологии). В общем, не без трудностей, но Владимиру Спиридоновичу

все же удалось выполнить свое обещание. Надо ли говорить о том, как он меня выручил и скольким я ему обязан.

Коллектив редакции «Философских наук» был слаженным и дружным. Вскоре ответственным секретарем стала Аврора Пружинина, которая была не только неутомимым тружеником, организатором всей многообразной деятельности редакции, но и замечательным человеком, веселым, с чувством юмора, но вместе с тем принципиальным, обязательным, четким в деловых вопросах. Мы дружно работали с заместителями главного редактора Владимиром Шевченко и Анатолием Коршуновым, заведующим отделом истории философии Алексеем Павловым, членами редколлегии. Мне хотелось бы многое сказать о деятельности журнала, в котором я работал на протяжении 16 лет. Но здесь для этого нет времени (многое об этом рассказано в моих «Воспоминаниях», на которые я уже не раз ссылался).

– **Давид Израилевич, не могу не спросить о Вашем основном на сегодня месте работы – об Институте философии. Когда Вы пришли в Институт?**

– Моя давняя мечта исполнилась в 1988 г. Я, наконец, получил возможность основное рабочее время уделять научным вопросам. В Институте я по-прежнему занимался проблемой «сознание и мозг» и методологией научного познания. Вместе с В.А. Лекторским и А.Ю. Алексеевым мы создали Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, который вот уже 9 лет ведет многоплановую работу. В него входят представители 12 академических институтов. Мы все эти годы почти ежемесячно проводим теоретические семинары, на которых помимо философов выступали ведущие российские специалисты в области нейронауки, информатики, робототехники, психологии, лингвистики, компьютерных наук и других дисциплин. Совет создал 14 региональных отделений в крупнейших научных центрах страны, активную молодежную секцию. Мы провели 7 Всероссийских конференций студентов, аспирантов и молодых ученых под общим названием «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации», в которых принимали участие представители 30 – 40 и более регионов России, издали 14 томов материалов этих конференций, ряд книг и статей по проблематике искусственного интеллекта. Работа Совета – заметный вклад философов в разработку стратегически важных междисциплинарных проблем российской науки. Мы благодарны директору Института философии академику А.А. Гусейнову, многолетнему члену нашего Совета, который создал хорошие условия для его работы.

– **Хотелось все-таки, чтобы Вы более подробно рассказали, какими философскими вопросами занимались за время работы в институте.**

– В первые годы работы в институте я подготовил и издал два сборника, посвященных проблеме «Сознание и мозг», которые выражали результаты моего сотрудничества с ведущими российскими представителями нейронауки. Первый так и назывался «Сознание и мозг» (М.: ИФ РАН, 1990). В нем наряду с философами А.Г. Спиркиным, Н.И. Губановым приняли участие такие ведущие ученые, как

А.М. Иваницкий, Э.А. Костандов, Д.П. Матюшкин, Т.А. Доброхотова и Н.Н. Брагина, директор Института мозга О.С. Адрианов и другие. Во второй сборник «Мозг и разум» (М.: Наука, 1994) специально прислал статью выдающийся нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Р.У. Сперри. В нем также были опубликованы статьи академиков Н.П. Бехтеревой, П.В. Симонова, ведущего российского реаниматолога А.М. Гурвича, таких крупных ученых как А.И. Белкин, В.С. Ротенберг, А.М. Иваницкий и др.

Помимо проблемы «Сознание и мозг» я занимался, как и раньше, вопросами теории познания и методологии науки, анализом различных аспектов структуры сознания и бессознательного, феномена веры, проблематикой искусственного интеллекта. Не перечисляя публикаций, отмечу некоторые мои работы. Это формулировка и разработка четырех основных гносеологических ситуаций, в которых всегда находится познающий субъект. Среди них, помимо проблемной ситуации (знания о незнании), наиболее интересной является ситуация незнания о знании (рассмотренная мной вслед за концепцией М. Поляни о «молчаливом знании») и особенно ситуация незнания о незнании (допроблемная ситуация, как я ее называю), анализ которой очень важен для понимания и оценки развития научного знания. В этой связи мной выделена и описана так называемая предпроблемная ситуация, когда появляются «странные» феномены, возмущающие принятые принципы научного объяснения, и в результате их исследования возникает либо новая реальная проблема, либо оказывается, что мы имеем дело с псевдопроблемой. Могу сказать и о том, что с самого начала 1980-х (соответствующая статья была опубликована в «Вопросах философии» в 1983 г.) я разрабатывал вопрос о взаиморефлексии четырех основных планов (и проблем!) философских исследований: гносеологического, онтологического, аксиологического и праксеологического. Это означает, что основательное исследование, например, онтологической проблемы предполагает гносеологическую рефлексию, т.е. осмысление (и часто разработку) познавательных средств, с помощью которых описывается и объясняется то, что полагается существующим (или не существующим). Более того, нередко это настоятельно требует аксиологической и праксеологической рефлексии. Наоборот, разработка гносеологической проблематики требует онтологической рефлексии (выяснения ее онтологических предпосылок, часто неявных), не говоря уже об аксиологической и праксеологической рефлексии. То же относится и к разработке вопросов, относящихся к двум последним категориальным планам. Для классической философии была характерна определенная обособленность в разработке указанных проблем. Их взаиморефлексия, понимание ее необходимости является характерной чертой постнеклассических подходов в философских исследованиях.

Значительное внимание я уделял проблеме сознания, особенно ее экзистенциальным аспектам, теме «Другого сознания», анализу ценностно-смысловой структуры сознания, в том числе с использованием данных психиатрии. Многие годы я тесно сотрудничал с психиатрами, особенно с выдающимся ученым и клиницистом Г.М. На-

злояном, создавшим свой «портретный метод» лечения тяжелейших психических болезней и добившегося выдающихся результатов (см.: *Назлоян Г.М.* Зеркальный двойник: утрата и обретение. Портретный метод психотерапии. — М.: Друза, 1994. В этой книге опубликована в виде послесловия статья М.Г. Ярошевского «Исцеление души», раскрывающая новаторскую суть метода Г.М. Назлояна). Я старался действовать в меру своих сил разработке теоретических и философских проблем психиатрии. Мне стоило, например, немалых трудов издание книги Л.М. Литвака — известного психиатра и невролога, пережившего клиническую смерть. Используя личный опыт, он не только основательно описал феномен «предсмертных переживаний» (в зарубежной литературе обозначается NDE — Near Death Experience), но и предложил его научное объяснение (см.: *Литвак Л.М.* Жизнь после смерти. Предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / под ред. и вступ. статья Д.И. Дубровского. — М.: Канон+, 2007. — 672 с.). Всем, кто серьезно занимается проблемой сознания, я настоятельно советую прочесть эту книгу. Она способна существенно расширить интеллектуальный горизонт исследователя сознания, что я испытал на себе.

В плане разработки проблемы сознания меня давно интересовали феномены обмана и самообмана. В годы перестройки я опубликовал в журнале «Философские науки» несколько статей на эту тему, а потом издал книгу (см.: *Дубровский Д.И.* Обман: философско-психологический анализ. — М.: РЭИ, 1994. — 120 с.). Это была первая книга в нашей философской литературе по данной теме, что обусловило ее некоторую фрагментарность. Второе дополненное издание вышло спустя 16 лет (М.: Канон+, 2010. — 336 с.). Проблема сознания под углом вопросов информатики и искусственного интеллекта разрабатывалась мной в книге «Информация, мозг, искусственный интеллект» (М.: Стратегия-Центр, 2007. — 272 с.) В ней, кстати, опубликованы статьи, специально посвященные критическому анализу концепций таких ведущих представителей аналитической философии как Дж. Сёрл, Д. Деннет, Т. Нагель и Д. Чалмерс. Надо сказать еще об одной книге, изданной под моей редакцией, в которой приняли участие помимо философов также и ряд крупных ученых (А.А. Иваницкий, Т.В. Черниговская, В.Я. Сергин, В.Г. Редько, психолог В.М. Алахвердов). В ней предпринималась попытка рассмотрения проблемы сознания во всем ее диапазоне, как в философии, так и в науке, в единстве гносеологических и онтологических подходов к ее исследованию, с учетом результатов, полученных в когнитивной науке. Мною в этой книге был предложен один из возможных способов обзора и систематизации основных вопросов и аспектов многомерной проблемы сознания (см.: *Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского.* — М.: Канон+, 2009. — 472 с.)

— У меня к Вам последний вопрос. Я понимаю, что он для Вас, да и, наверное, для каждого, может оказаться очень трудным и показаться не вполне корректным. И все-таки было бы очень интересно и важно для молодого поколения философов, если бы вы смогли на него ответить. Вы

закончили философский факультет в 1952 г. И, значит, занимаетесь философией более шестидесяти лет. Что из сделанного за это время Вы сами считаете главными, основными результатами своей деятельности?

— Действительно, вопрос очень трудный. Но я попытаюсь ответить. Самой главной проблемой всей моей научной и философской жизни была проблема «Сознание и мозг». Ею я занимаюсь более пятидесяти лет. Интересно, что примерно столько же ею занимаются и в аналитической философии, где она заняла центральное место. По этой проблеме возникла поистине необъятная англоязычная литература (более тысячи книг и несколько десятков тысяч статей). Бросается в глаза несообразность гигантского объема усилий представителей аналитической философии и скромности их концептуальных результатов. Итогом первого этапа моей работы над этой проблемой была докторская диссертация и изданная на ее основе книга «Психические явления и мозг» (1971), о которой речь шла выше. В ней была изложена моя концепция теоретической разработки этой проблемы с позиций информационного подхода и расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности. В середине 1970-х я изучил работы по этой теме представителей аналитической философии (Г. Фейгла, Дж. Смарта, У. Плэйса, Д. Армстронга, Р. Рорти, П. Фейерабенда и многих других) и опубликовал две большие критические статьи в журнале «Философские науки». Потом у меня вышла книга «Информация, сознание, мозг» (М.: Высшая школа, 1980. — 286 с.), первая часть которой была посвящена подробному критическому рассмотрению «научного материализма» — так называлось направление в аналитической философии, представлявшее начальную фазу систематической разработки проблемы «Сознание и мозг» (Mind-Brain Problem). Во второй части развивалась моя концепция, прежде всего в плане анализа кодовой зависимости, методологии расшифровки мозговых кодов психических явлений, объяснения специфики психического управления, произвольного действия и свободы воли. Проблема «Сознание и мозг» продолжала разрабатываться мной в тех или иных аспектах с учетом новейших данных науки во всех последующих сборниках и книгах, которые указывались выше, и во многих журнальных статьях. Результатом всех этих многолетних размышлений и исследований является то, что можно назвать теорией, объясняющей связь явлений субъективной реальности с мозговыми процессами — главный пункт преткновения для философов и естествоиспытателей материалистической ориентации. Эту ключевую теоретическую трудность в аналитической философии называют «разрывом» или «провалом в объяснении», поскольку явлениям субъективной реальности нельзя приписывать физические, пространственные свойства, а мозговым процессам они необходимо присущи. Теоретически корректный ответ на этот главный вопрос позволяет ответить и на другие основные вопросы проблемы «сознание и мозг», а именно: объяснить каузальную функцию явлений сознания, специфику психического управления, феномен свободы воли и то, что представляет собой наше Я (в нейронауке оно именуется «Самостью» или «Эгосистемой головного мозга»); это самоорганизующаяся

подсистема головного мозга, включающая генетический и биографический уровни, которая ответственна за личностные свойства индивида). Думаю, что мою концепцию можно назвать теорией, поскольку она удовлетворяет требованиям построения теоретического знания в неформализованных научных дисциплинах. Она четко формулирует основные вопросы проблемы и затем выдвигает три исходные посылки (две из них являются общепринятыми научными принципами, а третья – интуитивно приемлемым положением). Они предлагаются для критики. Если они принимаются, то из них логически выводятся все искомые объяснительные следствия. Поэтому моя теория удобна для критики, и в этом ее преимущество. Кратко она изложена в статье: *Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг: опыт теоретического решения проблемы // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 1. С. 45 – 57.* Более подробно, с приложениями она представлена в недавно вышедшей книге: *Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг. Опыт теоретического решения проблемы. Palmarium Academic Publishing, Saarbrucken, 2013. – 284 с.* Что касается результативности, то это не моя компетенция. Я хорошо понимаю, что моя теория носит пробный характер, что она должна пройти самые тщательные критические испытания. Это – дело моих оппонентов, в которых я нуждаюсь.

В заключение хотел бы сказать еще об одном деле моей жизни. Более 40 лет я занимаюсь каратэ-до. И это, скорее всего, и определяло мою «живучесть» и работоспособность. Еще в 1986 г. я получил черный пояс, и с тех пор периодически вел группы учеников. Вот уже 7 лет еженедельно я провожу занятия по каратэ в Институте философии. Один из моих учеников, известный философ А.М. Руткевич, недавно получил коричневый пояс. Это в нашем стиле учени-рю очень высокое достижение. У нескольких моих учеников – синие и зеленые пояса. Это тоже свидетельствует об их квалификации. Возраст создает многие дополнительные трудности жизни. Кому как не философу следует отдавать себе ясный отчет в том, что такое жизнь и что такое неизбежная смерть. Но пока мы живем, несмотря ни на что, мы должны сохранять человеческое достоинство, бодрость духа и, главное, трудиться, поменьше прислушиваясь к обмену веществ в своем организме. Как я часто повторяю себе и другим: матч должен состояться при любой погоде!